

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Рассказ

Мария Гламазда

12+

Мария Гламазда

Солнечный круг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67554233

SelfPub; 2022

Аннотация

Есть такая песня – «Пусть всегда будет Солнце». Когда-то, в 1990-м году, я пела сольно эту песню в своем саду. Тогда она была очень для меня важна. Важна и сейчас, спустя 32 года.

Мария Гламазда

Солнечный круг

Однажды, почти столетие назад, маленький мальчик Костя Баранников, после объяснений ему значения «всегда», написал:

*«Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!»*

Прошли десятки лет и с этим четверостишием напишут песню «Пусть всегда будет Солнце». Все, кто еще застал в том или ином состоянии, хромом или сильным, Советский Союз, прекрасно ее помнят. И я помню.

*«Солнечный круг, небо вокруг
Это рисунок мальчишки
Нарисовал он на листе
И подписал в уголке...»*

Мне 5 лет. Я стою в ненавистном желтом коротком платье и пою эту песню с мальчиком из группы. Мы – солисты. Стоим впереди нашего детсадовского хора, держим плакат – вроде как рисунок того самого мальчишки. Помню хо-

рошо этот плакат. Солнце на нем и радуга. Яркая такая, красивая. Я в задумчивости. Настолько, что пропускаю вступление и начинаю петь с опозданием. Ушла в себя, так сказать. Со мной это частенько случалось.

Так мне нравится эта песня, и стоять впереди всего хора мне нравится. Но вот платье... Платье это желтое! Нет, то, что оно желтое – ничего, терпимо, хотя я, пятилетний интроверт, предпочитаю синий, серый и черный. Карманы на платье были красными в виде помидорчиков. Мама их отпорола. Ну, какое солнышко с помидорами. Закидали, что ли, солнышко помидорами – «не такое солнышко, не соответствует ожиданиям партии». Карманы отпороли, но все равно платье мне не по душе. Дома скандал, рыдаю – платье не нравится! Оно – не мое! Это платье сестры. 90-й год, развал в самом расцвете. Мама больше не работает в НИИ. Мы живем очень скромно. Да что уж там, мы – вегетарианцы поневоле. Но мне не было это важно. Мне важно, что платье – не мое. Я любила только свои вещи. Вот это было это важно. Мне, 5-летнему ребенку.

Что знает 5-летний ребенок о гордыни, о том, что просто нет возможности купить ткань или просто найти эту ткань? Но так важно иметь «свое».

«Пусть всегда будет солнце!

Пусть всегда будет небо!

Пусть всегда будет мама!

Пусть всегда буду я!» – пели мы уже всей группой.

Припев мне особенно нравился. Он прям отражал мой внутренний мир. И к маме я была привязана сильно. Хотя это не было заметно – я всегда убегала от нее. Но при мысли, что мамы вдруг не станет, а мысли такие часто были, я переставала дышать. В районе солнечного сплетения, или манипуры-чакры (это-то точно все знают), все сжималось до острия копья. Это как-то отложилось с пеленок – мамы почему-то может резко не стать. Знаете, тяжеловатый груз для ребенка. Может поэтому своему сыну я часто говорю, что я всегда рядом, даже если далеко.

*«Милый мой друг, верный мой друг,
Людам так хочется мира.
И в тридцать пять сердце опять
Не устает повторять...»*

Знаете, некоторые мудрые люди говорят, что взросление человека, настоящее, когда гормоны уже перекипели в наваристом борще и этим борщом, у кого-то насыщенным, у кого-то постным, у кого-то пересоленным, у кого-то – с перчинкой, ты угостил или случайно облил встречных тебе людей, происходит около 30 лет. Вот тогда ты, наигравшись, уже как-то по-другому относишься к жизни, к родителям, к дружбе. У многих в этот период происходят важные собы-

тия. Не знаю, как у вас, у меня прямо с дня тридцатилетия другая жизнь началась.

Мне всегда хотелось быть старше, я почему-то чувствовала себя «взрослее и мудрее», возможно, потому что я – поздний ребенок, росла в окружении тех, кто годился мне в привычной социальной среде в бабушек и дедушек, и я всегда была достаточно взрослой и серьезной (с виду).

В 35 мы вроде как уже понимаем, что такое – верный друг. Да? А как понимаем? Да часто – когда познаем, что такое друг «неверный». Даже нет, не так. По-настоящему познаем, что такое верный друг – когда сами проходим через опыт предателя. Проходим, осознаем, делаем урок из этого. И только тогда мы можем осознать, что такое – верный. Слово какое чудесное – верный. Смысл какой глубокий. Этимология проста и глубока – верный от Веры (и религия тут абсолютно не при чем!).

Людам так хочется мира... Хочется мира до жути. Хочется спокойствия. Радости. Хочется в те моменты, когда беда здесь, рядом. Когда она бежит с оружием в руках, или летит, вызывая жуть и страх своим свистом. Когда он есть – мир, мы не чувствуем его, как и голод, когда только что насытились. Не ценим его. Беда – далеко, не со мной беда. А значит – я спокоен.

*« и в 35 сердце опять
Не устает повторять»*

В 35 вроде сердце должно понять, что закон Причины и Следствия действует везде и со всеми. В 35 ты уже вроде как должен понять, что такое личная ответственность. К 35 я уже наигралась и накупила себе своих платьев. Всяких (желтых среди них никогда не было). Интересно, что, только пройдя от голода до помощи другим, кто голоден, а ты в сытости, ты можешь ощутить вот это – приближение к смыслу.

«Пусть всегда будет солнце!

Пусть всегда будет небо!

Пусть всегда будет мама!

Пусть всегда буду я!»

Пусть всегда буду я... Буду я. Кто я? Вообще такой вопрос простой – «кто я?». Если откинуть всю эту социальную значимость, что остается?

Я – это осознающий, мудрый. Я, умеющий видеть дальше и глубже. Я, изучающий, я – голодный до желания докопаться до истины. Я – защищающий добро. Я – защищающий небо. Своими поступками, прежде всего. И ответственностью. За каждый свой шаг.

«Тише, солдат! Слышишь, солдат?»

Люди пугаются взрывов.»

Люди пугаются. Люди пугаются, когда беда приходит к ним домой. Кто способен в огне смотреть дальше, видеть свою ответственность, ответственность целого поколения, чувствовать причастность к единому. Понимать, что если болит, значит, ты где-то тоже что-то упустил. Кто способен быть таким?

*«Тысячи глаз в небо глядят,
Губы упрямо твердят:
Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!»*

Мамы на празднике улыбаются. Многие – пускают слезу. В 90-м не было телефонов и фотоаппаратов у всех подряд. Да даже в садике не было фотоаппарата, чтобы оставить на память для нас этот утренник. Я смотрю на мам – они все моложе моей. Меня это тревожило. Я всегда боялась ее потерять. Я смотрю на нее. Она не плачет. Смотрит своими спокойными, мудрыми глазами. Она не плачет. Она здесь – старше всех. Она родилась в 47 году. Почти все дети в ее семье из родившихся до и во время войны – выжили. Почти, но не все. Это было важнее всего. Мама – предпоследняя из 7-ми живых детей. Кажется, она знает все. Из воспоминаний детства – как пролила случайно стакан с растительным маслом,

которое она купила в магазине. Пролила масло, такое важное, чтобы испечь хлеб и готовить еще какое-то время для всей семьи. Это было большое потрясение для нее. Но бабушка не ругала ее. Бабушка расстроилась, но ушла во двор, не показав ребенку злости, потому что

«Пусть всегда будет солнце!

Пусть всегда будет небо!

Пусть всегда будет мама!

Пусть всегда буду я!

Против беды, против войны,

Встанем за наших мальчишек!»

Мы так привыкли вставать за наших мальчишек, мы привыкли терять их. Так привыкли, что это вросло в наши гены – беречь наших мальчишек. Беречь их от гибели. Только гены – вещь упрямая, а декорации меняются достаточно часто. Мы так берегли наших мальчишек, так держали их, что мальчишки перестали беречь нас. Мальчишки – мальчишки. Мальчишка, с которым я пою – Ромка. Ох, и дрались мы с ним! Помню, что на новый год этот наглец посмел вырядиться на зайчиком, как все приличные и не очень советские дети, а львом! И лапы же где-то раздобыл с когтями. В неравной схватке одной из многих снежинок (меня) и царя зверей, снежинка получила боевое ранение в глаз от лапы. Но пла-

кать было нельзя. Снежинки в то время должны были быть сильными, ведь мальчишек нужно будет защищать!

В общем, приходилось петь песню о Мире с практически кровным врагом. Да еще и не в своем платье. Ха! Вот бы мне тогда на политическую арену – справилась бы "на ура".

«Солнце навек! Счастье навек!

Так повелел человек!»

И все равно было что-то примиряющее нас с этим Ромкой. Что-то, что было вне наших драк и распрей. Что-то, что прощало ему выдергивание моих кос, а мне – царапанье его рук. Это был плакат, который мы, пятилетки в поношенных костюмчиках, с хлопковыми колготами, которые упрямо собирались на коленях складками, держали в руках. Плакат с огромным желтым солнцем и яркой радугой.

«Пусть всегда будет солнце!

Пусть всегда будет небо!

Пусть всегда будет мама!

Пусть всегда буду я!»